

В.В. Корсак

У красных

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.В. Корсак**
У красных / В.В. Корсак – М.: Книга по Требованию, 2024. – 168 с.

ISBN 978-5-517-97574-4

ISBN 978-5-517-97574-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Посвящаю моей жень.

ГЛАВА I

ДЫМЪ ОТЕЧЕСТВА

Я попалъ въ плѣнъ 2 ноября 1914 года. 18 іюля 1918-го года меня, какъ больного, нѣмцы отправили въ Россію.

До Молодечно мы ѣхали безъ пересадокъ. Отсюда уже шла широкая колея, и прибывшихъ плѣнныхъ забралъ русскій санитарный поѣздъ.

Утромъ, въ концѣ іюля, мы пріѣхали въ Оршу. Изъ окна вагона я увидѣлъ нѣмецкихъ солдатъ, бродившихъ вдоль линіи проволочнаго загражденія. Это была граница германской оккупациі.

Сперва поѣздъ остановился на нѣмецкой сторонѣ вокзала; потомъ его перевели на русскую. Проволока и часовые остались позади. Передъ нами открылась Россія, или вѣрнѣе Р. С. Ф. С. Р.

Тутъ уже все было другое, даже воздухъ. Скверно запахло невычищенными уборными. На путяхъ валялись порванные газеты, старые бинты, обрывки рогожь, окурки, шелуха отъ сѣмячекъ.

Вѣтерокъ изъ оккупациі гналъ этотъ мусоръ впередъ, а встрѣчный — возвращалъ его обратно.

На невыметенной платформѣ толпилось много публики, провинціального вида, въ потертыхъ костюмахъ. вмѣсто жандарма, стоялъ сонный, лохматый парень съ

шашкой на лакированной портупеѣ и съ винтовкой въ рукахъ.

Старшій врачъ, похожій на Чехова, прошелъ по вагонамъ и объявилъ, что поѣздъ идетъ на Смоленскъ и Орель. Кто ѣхалъ въ другую сторону — приглашались слѣзть.

Мнѣ надо было попасть въ Москву, и я рѣшилъ пересѣсть въ Смоленскѣ. Стояли мы въ Оршѣ часа два. Я вылѣзъ изъ вагона, размять ноги. Недалеко отъ насъ, на запасныхъ путяхъ стояло много поѣздовъ съ бѣженцами изъ Польши и Литвы.

Они возвращались къ роднымъ мѣстамъ — мужчины, женщины, дѣти.

Одни качали воду, другіе варили обѣдъ, нѣкоторые разговаривали.

Какая-то женщина сидѣла на приставленной къ фонарю лѣстницѣ и болтала ногами въ черныхъ заштопанныхъ чулкахъ.

Недалеко отъ нея пожилой мужчина въ жилеткѣ и рубашкѣ на выпускъ раздувалъ сапогомъ самоваръ.

— Пошли мы къ комиссару, — громко рассказывала женщина, — спрашиваемъ: «когда пропускъ будетъ? вторую недѣлю ждемъ, ѣсть нечего». А онъ: «не моя вина, это нѣмцы не пускаютъ». А дѣло извѣстное — надо взятку дать комиссару, или погрозить, какъ слѣдуетъ. До насъ тоже нѣсколько бѣженскихъ поѣздовъ не пускали. Тогда мужчины собрались, поймали вечеромъ этихъ двухъ комиссаровъ и въ ближнемъ логу обоихъ убили. На другой же день кто-то изъ Смоленска приѣхалъ: «вотъ вамъ пропуска, только уѣзжайте скорѣе». Новаго прислали теперь. Все равно толку мало.

Раздувъ самоваръ, мужчина сѣлъ на пустой боченокъ и, вытянувъ ногу въ красномъ носкѣ съ голой пяткой, сталъ надѣвать сапогъ.

— Точно, Марія Дмитріевна, тутъ самъ чортъ копыта поломаеть. Делегаты съ нашего поѣзда у нѣмцевъ были — «пропустите, пожалуйста». А нѣмцы — «да, хоть сейчасъ, ѣзжайте, у насъ для васъ препятствій нѣтъ». Кинулись мы къ русскому комиссару. Тотъ ногами затопалъ, руками замахалъ — «нѣмцы не пускаютъ». Вотъ и пойми тутъ.

Онъ свернулъ собачью ножку и закурилъ.

— А у нашихъ сосѣдей дочка умерла. Мать хоронить не позволяетъ. То плачетъ, то смѣется. Видно тутъ не въ порядкѣ, — и мужчина покрутилъ пальцами у лба.

— Товарищъ, — обратилась женщина къ медленно шедшему желѣзно-дорожнику, — когда вы насъ пропустите?

— Не до васъ теперь, гражданка. Сейчасъ мы золото въ Германію возимъ и драгоцѣнности, что Богъ комиссарамъ послалъ. Такъ-же и хлѣбъ въ подарокъ германскому пролетаріату посылаемъ. Паровозовъ и не хватаетъ.

Я прошелъ дальше. Недоконченный баракъ весь былъ заваленъ внутри экскрементами. Грязь и зловоніе особенно поражали послѣ нѣмецкой чистоплотности и аккуратности.

Въ товарномъ вагонѣ, на вѣнскомъ стулѣ сидѣла молодая, худая женщина съ безпокойными темными глазами. Она держала на рукахъ подушку и покачивая ее, пѣла вполголоса:

Седи котку на плотку
И мруга.
Піосенка та крутка
Не длуга.

Около полудня мы двинулись.

На остановкахъ плѣнные сходили и знакомились съ тѣмъ, что было новаго.

А новаго было много. Во-первыхъ, цѣны. По сравненію съ прежними они увеличились въ 200-400 разъ.

Плѣнные солдаты, среди которыхъ было не мало сочувствующихъ большевикамъ, слыша, что фунтъ хлѣба стоитъ 15 рублей, селедка — пять, коробка спичекъ — три, только качали головами. Ихъ мечты — поѣсть каши, картофеля, хлѣба, сала — разсѣивались, по мѣрѣ того, какъ они знакомились съ новыми цѣнами.

Жалко было на нихъ смотрѣть. Они видѣли, что въ Россіи ихъ самихъ и ихъ бывшихъ офицеровъ встрѣчаютъ, прежде всего, голодъ и равнодушіе. Толпа, бродившая по вокзаламъ, ругалась, щелкала сѣмячки, но на плѣнныхъ не обращала никакого вниманія. А тѣ, думавшіе ужаснуть міръ разсказами о своихъ страданіяхъ, не находили слушателей.

На одной изъ станцій стоялъ пустой истерзанный пассажирскій поѣздъ. Я подошелъ посмотреть, какъ отразились событія на неодушевленныхъ предметахъ.

Стоявшій посрединѣ пульмановскій вагонъ перваго класса весь былъ покрытъ надписями, сдѣланными мѣломъ. Одна изъ нихъ, написанная буквами побольше, говорила, что это — штабъ Московской боевой дружины, не помню ужъ, какого района; другія — помельче указывали на помѣщенія товарища командира, начальника штаба, канцеляріи.

Я рѣшилъ рискнуть — зайти внутрь и посмотреть, что тамъ дѣлается. Двери были открыты, я вошелъ въ корридоръ. На полу — масса порванныхъ, замасленныхъ бумагъ; полуразбитая бутылка изъ подъ коньяку «Мартель», грязныя портянки и около нихъ — дорогой, полуразорванный шелковый женскій шарфъ. Я повѣсилъ его на окно. Отъ тонкой, нѣжной матеріи еще

шелъ запахъ духовъ. Открыль первое купэ; на полу осколки стекла, корки хлѣба, шелуха отъ картофеля; на столикѣ бумажка съ солью, сморщенный соленый огурецъ; обивка съ одного дивана была полусодрана; на другомъ — валялась селедочная головка и рыбы кости; тутъ же пузырекъ изъ-подъ кокаина. Воздухъ — смѣсь махорки, селедки, невытыхъ ногъ. Въ сосѣднемъ купэ стопкой лежали газеты. Я взялъ часть и вышелъ.

Придя къ себѣ, я началъ разбираться въ печатномъ матеріалѣ. Ничего особеннаго: обыкновенныя, революціонно-истерическія словоизверженія. Въ концѣ одного воззванія я насчиталъ семь «да здравствуетъ».

Должны были здравствовать вождь пролетаріата Ленинъ, совѣтъ народныхъ комиссаровъ, міровая революція, диктатура пролетаріата, боевая дружина и т. д. и т. п. Послѣднимъ здравица поминала товарища командира боевой дружины Московскаго района имярекъ. Каждая здравица сопровождалась тремя восклицательными знаками впереди и тремя — позади. Знаки походили на частоколь изъ дубинокъ и, какъ будто, грозили тѣмъ, кто не сталъ бы здравствовать. Часто между восклицательными путались и вопросительные знаки.

Солдаты, ѣхавшіе со мной въ вагонѣ, сначала набросились на газеты, но скоро разочаровались.

— Этимъ сытъ не будешь...

Въ Смоленскъ мы прибыли подъ вечеръ. Ближайшій поѣздъ въ Москву отходилъ почти черезъ сутки. Всѣ москвичи, въ томъ числѣ и я, рѣшили переночевать въ санитарномъ поѣздѣ, такъ какъ онъ, въ ожиданіи продуктовъ, оставался на станціи до вечера слѣдующаго дня.

Насъ поставили на запасный путь, покормили макаронами, и мы улеглись. Всю ночь была слышна стрѣль-

ба — стрѣляли отъ скуки и для собственной бодрости желѣзнодорожные милиціонеры.

Это показалось намъ дикимъ — мы всѣ были воспитаны въ уваженіи къ патронамъ и въ страхѣ ответственности за ихъ безцѣльную трату.

Утромъ воды въ вагонахъ не оказалось; докторъ сообщилъ, что санитары отказались носить воду въ вагоны, за исключеніемъ вагона операціонной и вагона съ лежачими больными.

— Господинъ докторъ, — сказала бѣлый, распухшій солдатъ, — если лежачихъ у насъ нѣтъ, то и ходячихъ мало наберется.

— Что я могу подѣлать? — докторъ пожалъ плечами и ушелъ.

Всѣ, кто могъ выйти, пошли отыскивать водопроводъ, чтобы самимъ умыться и принести воды тѣмъ, кто не могъ ходить. А такихъ было не мало.

Ѣсть намъ въ поѣздѣ не дали: Смоленскъ значился питательнымъ пунктомъ; мы должны были получить пищу оттуда. Въ полдень насъ позвали на обѣдъ.

Отправились на питательный пунктъ.

— Смотрите, Максимъ Горькій, — шепнулъ мой сосѣдъ, когда мы разсаживались за столами на громадной деревянной платформѣ.

Я взглянулъ. Около небольшого амбарчика ходилъ красногвардеецъ. На немъ былъ сѣрый пиджакъ, штаны на выпускъ, кепка на затылкѣ. Въ рукахъ онъ неумѣло держалъ винтовку. Его невыразительное, мѣщански-тупое, писарского типа лицо дѣйствительно чѣмъ-то напоминало знаменитаго русскаго писателя. Обходя во-кругъ амбарчика, красногвардеецъ что-то мурлыкалъ. Я прислушался.

«Въ тиши ночной,
Въ тиши глубокой,
Качался филинъ совоокай».

Намъ сначала дали по куску хлѣба. Хлѣбъ былъ чер-
ный, какъ деготь, и съ острями овса и ячменя. Кое-кто
началъ жевать его; потомъ выплюнули осторож-
но въ руку и бросили. Затѣмъ передъ каждымъ
поставили по мисочкѣ съ горячей водой. Вода
была мутная, плавало немного какой-то шелухи. У
себя я нашель три гречневья крупинки и я былъ изъ
самыхъ счастливыхъ. Нѣкоторые попили воды, но
большинство къ хлѣбу и «кашѣ» не притронулось.

Что чувствовали при этомъ вернушіеся изъ плѣ-
на солдаты — я не могу сказать. Но я не рѣшался взгля-
нуть въ ихъ сторону, чтобы не встрѣтить взгляда край-
няго отчаянія.

Слѣдующимъ номеромъ было посѣщеніе агитаці-
оннаго пункта, куда насъ пригласили сейчасъ-же послѣ
обѣда. Агитаціонный пунктъ находился въ томъ зда-
ніи, гдѣ при старомъ режимѣ помѣщался собственно
питательный пунктъ.

Но послѣ революціи изъ этого зданія рѣшили от-
пускать не тѣлесную пищу, а духовно-революціонную.
Въ громадной столовой стояло множество прекрасныхъ
никкелированныхъ кубовъ для полученія кипятку; те-
перь они всѣ были покрыты темнымъ налетомъ; раскры-
тыя кухни представляли мерзость заустѣнія. Въ ком-
натахъ, гдѣ жилъ раньше служебный персоналъ, помѣ-
щались агитаторы.

Одинъ изъ нихъ вышелъ насъ поучать. Это былъ
студентъ въ форменномъ пальто; вмѣсто оборванныхъ
пуговицъ виднѣлись англійскія булавки. Голова была
всклоочена, одна щека — ярко красная: агитаторъ ви-

димо только что проснулся. Чтобы откинуть волосы, упорно лѣзшіе въ глаза, студентъ все время трясъ головой.

Десятка два солдатъ окружили его.

— Товарищи, вы находитесь сейчасъ въ самой свободной странѣ. Земля принадлежитъ крестьянамъ, фабрики и заводы — рабочимъ. Теперь никто не въ состояніи вырвать у васъ вашъ кусокъ хлѣба. Вы сами станете ѣсть его. Вы не станете помирать отъ голода, какъ помирали отъ царскаго режима. Долой паразитовъ! Да здравствуетъ вождь пролетаріата Ленинъ!.

На этомъ рѣчь кончилась. Солдаты стояли, уныло повѣсивъ головы. Они походили скорѣе на обвиняемыхъ, чѣмъ на жителей самой свободной страны. Всѣ разошлись въ гробовомъ молчаніи.

Послѣ митинга, ѣхавшіе въ Москву сгрузили съ поѣзда вещи и отнесли ихъ на вокзалъ. Такъ какъ времени было много, я пошелъ погулять. Около депо, вдоль путей, чуть не на версту, тянулась площадка. Она была завалена грузовыми, лазаретными и легковыми автомобилями. Это были дорогія, англійскія машины, гнившія и ржавѣвшія на открытомъ воздухѣ, безъ всякаго присмотра.

На обратномъ пути, на площади, передъ вокзаломъ, мнѣ повстрѣчался господинъ въ дорогомъ костюмѣ, съ уютнымъ брюшкомъ, съ очень жизнерадостными глазками и золотой цѣпочкой на бархатномъ жилетѣ. Онъ былъ окруженъ красногвардейцами.

— Кто это? — справился я у пожилого человѣка въ поддевкѣ.

— Комиссаръ.

По указанію комиссара, красногвардейцы бросались на прохожихъ и приводили ихъ къ нему. У схваченныхъ отбирали золотыя и серебряныя вещи. На мо-